

Т. И. Зайцева

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье анализируются гендерные отношения правящей элиты Германии и Франции эпохи средних веков. В сравнительном плане рассматриваются оценки, даваемые отечественными и зарубежными исследователями, во-первых, политическому значению брачных практик правящей элиты, а во-вторых, социально-политической роли женщин-правительниц двух стран. Показано, что изменения в области двух названных сфер тесно связываются историками с эволюцией исторической ситуации на протяжении раннего и классического Средневековья.

Ключевые слова: гендерные отношения, правящая элита, Франция, Германия, средние века, историография.

В рамках изучения взаимоотношений полов в среде правящей элиты Германии и Франции эпохи Средневековья исследователи наиболее часто обращаются, во-первых, к вопросу о политическом значении брачных практик; и, во-вторых, к роли женщин-правительниц в общественно-политической жизни. В ходе анализа этих двух сюжетов важной исследовательской проблемой становится поиск связи поведения правящей элиты в гендерной сфере с общеисторическим контекстом.

Особенно отчетливо влияние социально-политического контекста прослеживается в матримониальной политике правящей элиты. Многие исследователи считают, что брак являлся именно политическим мероприятием и своего рода фундаментом политической структуры на протяжении всего периода Средневековья и раннего Нового времени¹. Указанная тенденция была заложена еще в эпоху раннего Средневековья, в отношении которого некоторые историки выделяют предварительную, так называемую «патримониальную» фазу развития института власти. Как пишет Н.А. Хачатурян, на данном этапе происходило конституирование династий, формирование вместе с клиентелой и вассалами неких общностей вокруг глав таких семей. Последние какое-то время по необходимости были озабочены не столько проблемой завоевания политической власти, сколько тем, чтобы консолидировать свои династии и утвердить их преимущественные позиции среди других семейств².

Эта цель лежала в основе такого аспекта брачной политики, как принесение женщинами своим супругам корон тех или иных земель,

¹ *Bonnefin, Bonnefin.* 1987. P. 296; *Wunder.* 2002. S. 16; *Дюби.* 2009; С. 256.

² *Хачатурян.* 2008. С. 231.

важных внешнеполитических связей, других символических капиталов. В немецком социокультурном пространстве примером этого рода служит, в частности, второй брак Оттона I (936–973) с одной из самых ярких женских фигур данного периода Адельгейдой. Состоявшая в первом браке с королем Италии Адельгейда обеспечила своему новому супругу корону этого государства. Как считал Н.Ф. Колесницкий, в рамках активного интереса немецких правителей к северо-итальянскому региону, данный союз стал важным способом закрепления в нем. Историк также вскрыл политическую подоплеку других брачных союзов: первой женой Оттона I была сестра английского короля, с которой были связаны планы сближения с Плантагенетами против французов; супругой Оттона II (973–983) стала византийская принцесса, благодаря браку с которой ожидалось получение земель в Южной Италии (правда, так и не предоставленных), а на практике произошло значительное улучшение взаимоотношений двух имперских образований³.

Убедительно показана тесная связь публичной и домашней сферы, усиленное внимание к матримониальной политике в раннесредневековой Франции. Хотя власть была по преимуществу мужской, связанной с военной функцией и ленным правом, в то же время, женщины выступали в политическом пространстве как важные посредники, медиаторы. Поиск знатных невест и борьба за наследниц были одним из основных стержней, вокруг которого концентрировалась политика. В браке осуществлялась передача матерями детям своей благородной крови, с которой смешивалась кровь их высокородных отцов. Поэтому особую роль наряду с передаваемыми через женщину правами на власть и имущественными (в первую очередь земельными) правами приобретало ее происхождение. Территориальные владения, властные права, политические связи, как и знатность происхождения женщины («кровь») в их меняющемся соотношении сливались воедино⁴.

Французский историк Ф. Лот ссылается в качестве иллюстрации указанной тенденции на прецедент с претендовавшим на корону дядей последнего правителя из династии Каролингов, Карлом Лотарингским, которого не допустили к трону, в том числе, из-за заключенного им неравного брака: Карл был женат на дочери субвассала будущего родоначальника новой династии Гуго Капета (989-996). Именно в связи с этим Капету удалось взойти на престол. Автор цитирует риторическую речь реймского архиепископа Адальберона, сыгравшего не последнюю роль

³ Колесницкий. 1977. С. 39–40, 45–47, 172.

⁴ Дюби. 2001. С. 10–11, 153 и др.; Стукалова. 2001. С. 68–69, 78.

в выдвижении этого правителя, на ассамблее перед герцогами: «Какими достоинствами обладает Карл, ...который потерял голову настолько, что посмел... жениться на неровне, женщине из сословия вассалов?», «Как могущественный герцог стерпит, что женщина из семьи его слуг станет королевой и будет властвовать над ним?»⁵.

Как отмечают исследователи, супругами французской династии Капетингов становились дочери, сестры, бывшие жены правителей крупных земельных анклавов, представителей знатных родов; но для утверждения законности власти и преемственности династий особенно успешным считалось заключение брака с женщинами из рода Каролингов. Так, женой самого Гуго Капета стала сестра герцога Аквитании Аделаида де Пуату, являвшаяся потомком Карла Великого, что стало важным аргументом в борьбе против Карла Лотарингского. Одна из жен сына и наследника Гуго Капета Роберта II Благочестивого (996–1031), происходившая из рода графов Анжуйских, также была причастна к Каролингам⁶.

Проблема взаимосвязи социально-политической жизни и матримониальных практик в период классического Средневековья в Германии неоднократно рассматривалась в историографии на примере фигуры императора Фридриха II Штауфена (1212–1250). Череда браков этого неординарного человека выступила как действенный политический инструмент в поисках власти и земли в «мировом» масштабе. Первой супругой Фридриха, на которой он женился, едва достигнув совершеннолетия, была Констанция Арагонская. Посредством брака с ней императору удалось закрепить полученные от матери права на Сицилийское королевство. Вторая жена Фридриха, Изабелла де Бриенн, была наследницей полуэфмерного Иерусалимского королевства, корону которого он получил в результате этого брака. По мнению многих ученых, несмотря на формальность иерусалимской короны, ее приобретение стало важным шагом для императора, развязав ему руки в Восточном Средиземноморье⁷.

Рассматривается в научной литературе и третий брак этого правителя. После смерти Изабеллы, во время своего недолгого периода пребывания в Германии в поисках политических союзников, Фридрих заключил брак с сестрой английского короля Генриха III Плантагенета. Особенно отмечается необычайная пышность и свадебного посольства, и самих торжеств по поводу самого бракосочетания, что подчеркивало

⁵ Лот. 2001. С. 167. См. также: Дюби. 2001. С. 36.

⁶ Лот. 2001. С. 248; Фавтье. 2001. С. 111 и др.

⁷ См., например: Колесницкий. 1977. С. 166; Воскобойников. 2008. С. 183; Герштейн. 2008. С. 305, 316.

значение заключаемого союза, призванного обеспечить императору необходимую внешнеполитическую поддержку⁸.

По отношению к Франции эпохи классического Средневековья, в условиях развернувшегося в этой стране процесса государственного строительства, исследователи отмечают сохранение остроты династического вопроса, а, следовательно, и значимости матримониальной политики, определявшей модели заключения браков. Большим успехом Капетингов в этот период стала женитьба Людовика VII (1137–1180) на Адели Шампанской, в союзе с которой родился Филипп II Август (1180–1223), а также брак самого Филиппа с Изабеллой д'Эно. Обе женщины принадлежали к числу потомков Каролингов, и ребенок Филиппа и Изабеллы, будущий Людовик VIII, нес в себе благородную кровь Каролингов уже по двум линиям. В ряду супругов Капетингов в этот период не случайно оказываются такие знаковые для французского политического пространства фигуры, как герцогиня Аквитанская, наследная графиня Шампани, племянница графа Фландрии и пр.⁹

Как было отмечено выше, помимо изучения политических аспектов заключения брачных союзов представителей правящей элиты, популярными в медиевистике являются сюжеты, связанные с отношением женщин-правительниц к политической власти, их присутствием в так называемой «публичной» сфере. Так, в истории немецкой правящей элиты внимание исследователей привлекают биографии и деятельность императриц раннего Средневековья, отличавшихся высокой политической активностью, базировавшейся на значительных социальных капиталах, которыми они нередко обладали в названную эпоху¹⁰. В их числе особенно выделяется императрица Адельгейда. Обширный комплекс земель и властных прав, который эта правительница принесла своему супругу, стал для нее самой особым ресурсом власти¹¹. Другой фигурой, привлекающей интерес историков, является жена Оттона II Феофания, византийская принцесса, за которой стояла символическая (и не только) сила Ромейской империи, что предопределило активную политическую позицию этой правительницы.¹²

Ю.Е. Арнаутова показала, что жены и матери правителей Оттоновской династии – супруга Генриха I (919–936) Матильда, уже упоминавшаяся Адельгейда и Феофания имели широкую сферу деятельности и

⁸ Колесницкий. 1977. С. 172; Воскобойников. 2008. С. 70, 246; Витке. 2008. S. 290.

⁹ Фавтье. 2001. С. 40, 73, 78; Дюби. 2001. С. 233-234 и др.

¹⁰ См. об этом, напр.: Еппен. 1985. S. 73, 209; Graf. 2000. S. 1.

¹¹ См.: Репина. 2006. С. 183. См. также: Балакин. 2004. С. 98.

¹² См., напр.: Колесницкий. 1977. С. 46; Балакин. 2004. С. 183, 242 и др.

прерогативы не только в приватной, но и в публичной области. Опираясь на жизнеописания этих королей, исследовательница приводит примеры их участия в ожесточенной политической борьбе, показывая, как через призму изображения агиографами служения религиозному долгу, проступают весьма прозаические мероприятия и интриги¹³.

Э. Эннен обращается к фактам опекуинства Адельгейды и Феофании над сыновьями и внуком, считая их своеобразными опытами женского правления и отмечая присущую этим женщинам чрезвычайную и вполне грамотную политическую активность¹⁴. Ф. Лот анализирует влияние этих двух императриц на смену правящей династии во Франции и приход к власти Капетингов. По его мнению, Адельгейда и Феофания преследовали в данной ситуации собственные цели, стремясь пресечь намерения законного наследника Каролингов Карла Лотарингского аннексировать Лотарингию, часть которой он держал в качестве лена от Империи¹⁵. Н.Ф. Колесницкий указывал на еще один случай женского правления – попечительство над Германским королевством тетки Оттона III (983–1000), аббатисы Матильды, во время его итальянского похода, наделенной венценосным племянником титулом патриции¹⁶.

Во второй половине раннего Средневековья условия и возможности для активной и успешной деятельности женщин из правящей элиты во властном пространстве Империи изменились и перестали быть особенно благоприятными. Об этом, по мнению ряда авторов, свидетельствует судьба вдовы Генриха III (1028–1056) и матери Генриха IV (1056–1105) Агнессы де Пуату. После смерти мужа Агнесса стала регентшей при малолетнем сыне. Однако в 1062 г. крупные землевладельцы сумели отстранить ее от власти и назначили нового регента из своей среды. Э. Эннен полагала, что это событие явилось своего рода аномалией в рамках традиций активного и достаточно успешного политического участия немецких правительниц; тогда как Н.Ф. Колесницкий считал неудачу Агнессы (имевшей не менее значительные социальные капиталы, чем упомянутые выше ее знаменитые предшественницы) индикатором усиления знати и начала общего перелома в политической ситуации и расстановке сил в стране, что затем скажется в полной мере на истории правления самого Генриха IV¹⁷.

¹³ Арнаутова. 2001. С. 58.

¹⁴ Эннен. 1985. S. 63–64, 230.

¹⁵ Лот. 2001. С. 165. Об этом также см.: Балакин. 2004. С. 245.

¹⁶ Колесницкий. 1977. С. 47.

¹⁷ Там же. С. 88; Эннен. 1985. S. 72, 230.

Рассматривая вопрос о влиянии женщин-правительниц на политику в раннесредневековой Франции, Р. Фавтье изучил деятельность матери Филиппа I (1060–1108) Анны Русской, которая после смерти мужа девять лет исполняла функции регентши и утратила их только вместе со вторым замужеством; а также негласную, но весьма активную политическую роль жены Филиппа Бертранды де Монфор. Историк отметил, что именно интриги Бертранды и ее попытки отстранения от власти пасынка – наследника престола спровоцировали весьма напряженные отношения последнего с отцом¹⁸.

В классическое Средневековье жены немецких правителей не потеряли полностью своего высокого статуса и инструментов влияния. Так, императрица Беатриса, вторая жена Фридриха I Барбароссы (1152–1190) и наследница графства Бургундского, короновалась вместе с Фридрихом одной короной¹⁹. Немецкий медиевист В. Паравичини считает этот брак одним из важнейших союзов классического Средневековья²⁰. Беатриса отправилась с мужем в крестовый поход, вмешиваясь в его действия и оказывая на них определенное влияние. Фридрих даже был вынужден во время осады Милана отослать супругу из лагеря, чтобы она не сдерживала его активность.

Исследователей привлекает также фигура императрицы Констанции Норманнской, жены Генриха VI (1190–1197) и матери Фридриха II. Констанция, принесла Генриху права на сицилийскую корону, сама даже не стала короноваться в своих наследственных владениях. Зато овдовев, она взяла на себя ответственность самостоятельного правления в Сицилийском государстве, полностью сменив советников и направление политики²¹. Впрочем, по мнению некоторых историков, немецкие правительницы XII–XIII вв. уже не обладали столь широкими возможностями распоряжаться своими символическими и материальными ресурсами, как императрицы раннего Средневековья. Как показал Н.Ф. Колесницкий, ни Беатриса, ни Констанция, при всей их относительной активности и самостоятельности, не имели тех властных прерогатив, которые были, например, у жен Оттонов Адельгейды или Феофании. И регентство Констанции Нормандской в самой Германии при несовершеннолетнем сыне оказалось весьма кратковременным²².

¹⁸ Фавтье. 2001. С. 74.

¹⁹ Колесницкий. 1977. С. 123.

²⁰ Paravicini. 1999. S. 58.

²¹ Воскобойников. 2006. С. 294; Герштейн. 2008. С. 303–304; Норвич. 2005. С. 321–322, 343–344.

²² Колесницкий. 1977. С. 155–156.

Напротив, в отношении Франции зрелого Средневековья исследователи отмечают более активное, чем в предшествующую эпоху, участие женщин в политической жизни страны, которое, в силу сложившихся культурных традиций, приняло известную и ранее форму регентства королевы-матери, осуществляемого в случаях отсутствия по той или иной причине взрослого дееспособного правителя-мужчины. В частности, внимание историков привлекает мать Филиппа II Адель Шампанская, которая во время крестового похода короля замещала его совместно с архиепископом Реймса. Однако наиболее популярной фигурой является мать Людовика IX Святого Бланка Кастильская. В ряду заслуг этой правительницы Р. Фавтье называет подавление после смерти мужа мятежа феодалов, когда Людовику было всего двенадцать лет; самостоятельное восстановление порядка в стране; несколько лет опекунства при несовершеннолетнем сыне и затем влияние на уже взрослого короля (так, она вторично стала регентшей, когда Людовик IX находился в своем первом крестовом походе)²³. По мнению Ж. Ле Гоффа, мать Людовика Святого в политике действовала скорее как мужчина, ее даже называли женщиной-«вираго»²⁴.

Исследователи связывают достижение королевой-матерью столь значительного положения в средневековом государстве как с самим укреплением власти династии, так и с крестоносным движением, потребовавшим личного участия правителей в военных мероприятиях далеко за пределами страны²⁵. Свою роль сыграло вызванное влиянием рыцарских традиций общее возвышение женщин из среды элиты, а также личности самих женщин, бравших в свои руки бразды власти²⁶. Ж. Ле Гофф отмечал прекрасное понимание той же Бланкой Кастильской механизмов политического управления²⁷.

Наконец, в немалой степени внимание исследователей привлекает связанная с политической сферой сторона деятельности средневековых правительниц, которая может быть объединена понятием «святая» жизнь. Проанализировав латинскую агиографию X века, Ю.Е. Арнаутова пришла к выводу, что значительная часть женщин-святых происходила из среды средней знати, но нередко это жены Каролингов и – немецкие королевы²⁸. Историки обращаются к фигурам императриц

²³ Фавтье. 2001. С. 79, 88.

²⁴ Ле Гофф. 2001. С. 536.

²⁵ Дюби. 2001. С. 317; Фавтье. 2001. С. 46.

²⁶ Дюби. 1990. С. 92, 96.

²⁷ Ле Гофф. 2001. С. 540. См. об этом также: Ретина. 2006. С. 183–184.

²⁸ Арнаутова. 2001.

раннего Средневековья, официально канонизированных Римом – жене Генриха I Матильде, насильственно отправленной сыновьями в монастырь и прославившейся там своими благочестивыми деяниями; к религиозной деятельности супруги Оттона I Адельгейды в зрелые годы, подробно описанной ее биографом Одилоном; жене Генриха II (1002–1024) Кунигунде, обретшей святость вместе со своим мужем²⁹.

Исследования показывают, что, в отличие от Германии, в ранне-средневековой Франции ресурс святости женщины-правительницы, открывающий достаточно широкие политические возможности, оказался мало задействованным. Согласно Ж. Дюби религиозность, являвшаяся важной чертой личностной идентичности средневековых правительниц, была присуща и женам первых Капетингов: например, первая жена Филиппа I Берта, оставшаяся долгое время бездетной, много молилась – и именно за это, как полагали ее современники, в итоге была вознаграждена наследником. В то же время фигур, отличавшихся столь выдающимся благочестием, чтобы быть причисленным к святым, среди французских королей этого периода не было³⁰.

С учетом значительного изменения исторической ситуации в Германии XII–XIII вв. внимание исследователей обращается к другому уровню политической жизни. В частности, О.Г. Эксле пишет о ландграфине Елизавете Тюрингской (1207–1231), которая снискала широкую известность особым благочестием и страданиями (после смерти мужа она вместе с детьми испытала гонения со стороны его матери и брата), а также своей богоугодной деятельностью³¹. Было показано, что культ святой Елизаветы получил чрезвычайное распространение как внутри³², так и за пределами Германии; Ж. Ле Гофф, например, отмечает, что во Франции ее чрезвычайно почитала Бланка Кастильская³³.

Рассматривая вопрос о религиозности представительниц французской правящей элиты классического Средневековья на примере семейства Людовика IX Святого, Ле Гофф отмечает, что, несмотря на немалую роль в формировании особого благочестия Людовика воспитания матери, Бланки Кастильской, она сама не только родила своему мужу двенадцать детей, но и во вдовстве предпочла преимущественно заниматься вопросами политического управления и даже не напоминает идеальную святую. Матерью пятнадцати детей стала жена Людовика

²⁹ *Ennen*. 1985. S. 67; *Эксле*. 2007. С. 197; *Арнаутова*. 2001. С. 57–59, 61–62.

³⁰ *Дюби*. 2001. С. 161.

³¹ *Эксле*. 2007. С. 87–88; 193–196, 232.

³² См. об этом коллективную монографию: *Elisabeth von Thüringen...* 2008.

³³ *Ле Гофф*. 2001. С. 211.

Маргарита, которая, как и ее свекровь, пыталась (правда со значительно меньшим успехом) участвовать в политике³⁴.

Зато, по мнению французского ученого, модели святой отвечает сестра Людовика IX Изабелла, которая отказалась от брака и, хотя и осталась без пострига, вела жизнь, близкую монашеской. Изабелла участвовала в программе основания монастырей и церквей, разработанной ее венценосным братом. Характерно, что во Франции в эту эпоху была предпринята попытка, оказавшаяся неудачной, создать королевский культ святых принцесс; но речь не шла о канонизации непосредственно жен или вдов правителей³⁵.

Подводя итог обзору существующих в историографии подходов и оценок гендерных отношений в среде немецкой и французской правящей элиты эпохи Средневековья, вернемся к тезису о том, что преимущественное внимание исследователей обращено на политическое значение матримониальной практики и деятельность правительниц в сфере политики и религии. Брак рассматривается как один из важнейших фундаментов политической структуры средневековых государств. Как гендерные взаимоотношения в среде правящей элиты, так и общественно-политическая роль женщин-правительниц тесно связываются с историческим контекстом (ослаблением верховной власти во второй половине раннего Средневековья в Германии, необходимостью подтверждения прав королевской династии во Франции и пр.).

Внимание германистов в первую очередь привлекают фигуры знаменитых императриц раннего Средневековья Адельгейды, Феофании, Агнессы де Пуату, классического периода – Беатрисы и Констанции Нормандской. Среди французских королей такими популярными фигурами стали Бертранда де Монфор и Анна Русская, Адель Шампанская и Бланка Кастильская соответственно для раннего и классического Средневековья. Этих правительниц объединяет как наличие солидных символических (социальных и политических) капиталов, так и их чрезвычайно активная роль в политической («мужской») сфере.

В то же время, имеются и отличия – как при сравнении выводов историков относительно двух стран на протяжении одних и тех же периодов, так и при сопоставлении ситуации в эпоху раннего и зрелого Средневековья. В частности, речь идет о специфике политической роли немецких императриц и французских королей на протяжении раннего Средневековья или о ее существенном сужении для немецких прави-

³⁴ Там же. С. 552, 554.

³⁵ Там же. С. 211, 551.

тельниц в условиях эволюции политической сферы в Германии при переходе к эпохе Штауфенов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bonnefin A., Bonnefin E.* La monarchie français. 987–1789: Constitution, lois fondamentales. P.: France-Empire, 1987.
- Bumke J.* Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. München: Dt. Taschenbuch Verl., 2008.
- Elisabeth von Thüringen und die neue Frömmigkeit in Europa. / Hrsg. Ch. Bertelsmeier-Kierst. (Kulturgeschichtliche Beiträge zum Mittelalter und der frühen Neuzeit; 1). F.-a.-M. [u.a.]: Lang, 2008.
- Ennen E.* Frauen im Mittelalter. München: Beck, 1985.
- Graf K.* Künigunde, Erzherzogin von Osterreich und Herzogin von Bayern-München (1465–1520) – Eine Biographie. Inaug.-Diss. Mannheim, 2000.
- Paravicini W.* Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters. (Enzyklopädie deutscher Geschichte, 32). München: Oldenbourg, 1999.
- Wunder H.* Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. / Hrsg. H. Wunder. Berlin: Duncker und Humblot, 2002.
- Арнаутова Ю.Е.* Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агнографов X века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Балакин В.Д.* Творцы священной Римской империи. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Воскобойников О.С.* Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М.: РОССПЭН, 2008.
- Воскобойников О.С.* Достоинства целебных источников на Флегрейских полях, или культура тела при дворе Фридриха II. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006.
- Герштейн А.Б.* Традиции и новаторство в императорской идее Фридриха II Гогенштауфена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008.
- Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / Пер. с франц. Е.Ю. Симакова // Одиссей. Человек в истории. 1990. Личность и общество. М.: Наука, 1990.
- Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / Пер. с франц. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М.: Международные отношения, 2001.
- Дюби Ж.* Женщины при дворе. // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 2: Молчание средних веков / Под ред. К. Клапиш-Зубер, пер. с англ. Н.Л. Пушкаревой. СПб.: Алетейя, 2009.
- Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М.: Наука, 1977.
- Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Ладомир, 2001.
- Лот Ф.* Последние Каролинги. / Пер. с фр. Ю.Ю. Дягилевой. СПб.: Евразия, 2001.
- Норвич Дж.* Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии: 1130–1194 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2005.

- Репина Л.П.* Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований: Сб. материалов / Сост. Н.Ю. Фетисова: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИВИ РАН, 2006.
- Стукалова Т.Ю.* Французский королевский двор при Филиппе I и Людовике VI (1060–1137) // Двор монарха в средневековой Европе: явление модель среда / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Вып. I. М.-СПб.: Алетейя, 2001. С. 68–69, 78.
- Фавтье Р.* Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства / Пер. с франц. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2001.
- Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008.
- Эксле О.Г.* Действительность и знания. Очерки социальной истории Средневековья. / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Зайцева Татьяна Игоревна***, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; zaytsevati@mail.ru.